

УДК 32.142(519.3)

DOI: 10.26140/anie-2021-1001-0008

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНДР

© Автор(ы) 2021

AuthorID: 346564

SPIN: 3598-9211

ResearcherID: I-2250-2014

ORCID: 0000-0002-6372-5098

КОЗЛОВ Леонид Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений

Дальневосточный федеральный университет

(690922, Россия, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, e-mail: leonidkozlov@yahoo.com)

Аннотация. В отечественной литературе обычно рассматривается опыт крупных и неоднородных по территории стран, похожих на Россию, а также Европейского Союза. Средним державам уделяется намного меньшее внимание. В данной статье рассматривается специфический опыт КНДР, которая развивается в условиях практически полной международной изоляции, административно-командной системы и плановой экономики. Территориальное развитие КНДР привлекает очень небольшое внимание научного сообщества. Региональная же политика КНДР вообще не фигурирует в научной литературе, поэтому в рамках нашей статьи мы проанализируем сам факт её существования. Методологической основой статьи является классическая теория пространственного развития Тюнена, Кристаллера, Лёша, согласно которой национальная экономика представляет собой иерархическую географическую структуру. Географические исследования и экспертные наблюдения свидетельствуют о том, что в КНДР, несмотря на её небольшую территорию, существует значительная неравномерность регионального развития и широкий спектр проблемных ситуаций, которые в мировой практике должны быть предметом пристального внимания центра. Региональная политика в её традиционной форме в КНДР отсутствует. Планирование экономического развития здесь ведётся в отраслевом разрезе. Однако многочисленные локальные проекты, реализуемые центром при мобилизации общенациональных ресурсов, позволяя утверждать, что руководство страны имеет определённое представление об ориентирах территориального развития. Северокорейский опыт в российской практике региональной политики малоприменим, но большой научно-теоретический интерес представляют те эффекты, которые возникают в специфической ситуации КНДР.

Ключевые слова: территориальное развитие, региональная политика, плановая экономика, центр-периферийные отношения, этатизм, теория центральных мест, свободные экономические зоны, КНДР

TERRITORIAL DEVELOPMENT AND REGIONAL POLICY OF THE DPRK

© The Author(s) 2021

KOZLOV Leonid Evgenevich, candidate of political sciences, associate professor of the Department of International Relations

Far Eastern Federal University

(690922, Russia, Vladivostok, Russky island, Ajax 10, e-mail: leonidkozlov@yahoo.com)

Abstract. Russian literature on regional politics usually considers the experience of large and heterogeneous countries, similar to Russia, as well as the European Union. Much less attention is paid to the middle powers. In this article, we consider the specific experience of the DPRK, which is developing under conditions of tough international isolation, an administrative command system and a planned economy. The territorial development of the DPRK attracts very little attention from the scientific community, and the regional policy of the DPRK is completely absent as an object of research, therefore in our article we will analyze the very fact of its existence. The methodological basis of our article is the classical theory of the spatial development of Thünen, Christaller, and Lösch, according to which the national economy is a hierarchical geographical structure. Geographic studies, expert observations and various indirect sources indicate that in the DPRK, despite its small territory, there is a significant unevenness of regional development and a wide range of problem situations. In world practice, such problems should be the subject of close attention of the center, but there is no regional policy in its traditional form in the DPRK, and economic development is planned here by industry, but not by region. However, numerous local projects implemented through the mobilization of national resources make it possible to assert that the DPRK government has a certain idea of the landmarks of territorial development. The North Korean experience is hardly applicable in the Russian practice of regional policy, but the effects that arise in the specific situation of the DPRK are of great scientific and theoretical interest.

Keywords: territorial development, regional policy, planned economy, center-periphery relations, statism, central place theory, free economic zones, DPRK

Введение. Изучение зарубежного опыта территориального развития всегда имеет высокую актуальность в России с её традиционными проблемами неравномерности регионов и сверхконцентрации населения в столичном регионе. В отечественной литературе, как правило, рассматривается опыт крупных и неоднородных по территории стран, похожих на Россию, а также Европейского Союза, где политика выравнивания является одной из приоритетных и тщательно отработана в институциональном и методическом аспектах. Средним державам уделяется намного меньшее внимание, хотя территориальная неоднородность и активная региональная политика встречаются и там. В настоящей статье рассматривается специфический опыт КНДР, которая развивается в условиях практически полной международной изоляции, административно-командной системы и плановой экономики, казалось бы, ушедшей в историю вместе с XX веком.

Территориальное развитие КНДР привлекает очень

небольшое внимание научного сообщества. Среди европейских публикаций можно отметить две монографии по географии городов Р. Дормельса и П. Эма и статьи С. Дюкруэ по географии морских портов [1; 2; 3]. В Южной Корее, несмотря на хорошее развитие социально-экономической географии и более детальное понимание общественных процессов на севере полуострова, соответствующие публикации о КНДР тоже носят эпизодический характер и выходят из-под пера сотрудников Корейского НИИ населённых пунктов (KRIHS). Региональная же политика КНДР вообще не фигурирует в научной литературе, поэтому в рамках нашей статьи мы проанализируем сам факт её существования.

Методология. Методологической основой статьи является классическая теория пространственного развития И.Г. Тюнена, В. Кристаллера и А. Лёша, согласно которой национальная экономика представляет собой иерархическую географическую структуру, в основе которой находятся города и агломерации как упорядочи-

вающие элементы [4]. Как представляется, именно этой теорией руководствуются власти КНДР в вопросах пространственной экономики. Вспомогательное значение в статье имеет теория центра и периферии Дж. Фридмана, которая определяет периферию по её отношениям зависимости от ядра [5]. Региональная политика понимается как совокупность методов, нормативно-правовых актов и практических мероприятий, разрабатываемых и реализуемых компетентными органами государственной власти, с целью формирования определённой территориальной структуры общества. В поисках проблемных ситуаций и методов региональной политики, которые могут встретиться в КНДР, мы сверяемся с классической монографией В.Н. Лексина и А.Н. Швецова [6].

Наше исследование опирается на следующие эмпирические источники:

- официальные фоторепортажи, теленовости, документальные репортажи и фильмы из КНДР, ориентированные как на внутреннюю, так и на зарубежную аудиторию, которые преимущественно распространяются через главный информационный сайт КНДР naenara.com.kp;

- журналы КНДР информационно-пропагандистского характера, переводимые на русский язык и распространяемые в России («Внешняя торговля КНДР», «Корея», «Корея сегодня», «Кымсугансан»);

- публикации российских и иностранных туристов, побывавших в КНДР, а также иностранных журналистов и постоянно проживающих в КНДР иностранных специалистов, опубликованные в блогах и социальных сетях;

- публикации о развитии КНДР в официальных аккаунтах в социальных сетях посольства России в Пхеньяне;

- личные наблюдения от поездки в северокорейский город Раджин в 2017 г. [подробнее см.: 7], беседы с российскими и зарубежными специалистами, посещавшими КНДР.

О развитии регионов КНДР и о политике центрального правительства в их отношении имеется очень мало открытой и относящейся непосредственно к данной теме информации, как, впрочем, почти обо всех социально-экономических и политических процессах в этой стране. За неимением достоверной и актуальной статистики, как правило, приходится использовать косвенные источники, приблизительные экспертные оценки и нерегулярные наблюдения очевидцев. Среди прочего, полезная информация для данной статьи была получена автором в ходе семинаров с участием северокорейских экономистов, проводившихся в 2018 и 2019 гг. в Дальневосточном федеральном университете при поддержке японского института ERINA.

Результаты. В государственном планировании национального развития КНДР отраслевым вопросам уделяется намного большее внимание, чем пространственным. Это видно, среди прочего, по справочнику «Экономика КНДР», где пространственной экономике отведена лишь одна страница (сообщается, что власти КНДР поощряют развитие местного производства, чтобы в каждом уезде максимально полно использовались местные ресурсы) [8]. Власти КНДР подчёркивают преимущества государственного планирования экономического развития и отсутствие частной собственности в стране, однако внешние эксперты полагают, что фактически в КНДР сегодня сложилась гибридная экономика, часть которой работает в рамках административно-командной и плановой системы, а часть – на основе рыночных отношений [9, с. 93]. Государственные планы при этом составляются по отраслям, а не по регионам.

Типичные проблемы социально-экономического развития КНДР сводятся к следующему. Слабое развитие инфраструктуры дорог, электричества, связи – это общая проблема северокорейской периферии, к примеру, региональные автодороги в КНДР имеют преимущественно грунтовое покрытие, скорость движения пассажирских

поездов по железным дорогам составляет не более 30 км/ч, а электроснабжение обычно режимное, в частных домохозяйствах массово используются солнечные батареи. Правда, приграничные города Расон, Кэсон и Синийджу на общем фоне выглядят лучше, чем остальная периферия. Также выше среднего развиты портовые города восточного побережья КНДР, занимающиеся добычей и обработкой рыбы и морепродуктов [10]. Материковые же уезды представляют собой типичные депрессивные территории. По данным переписи населения 2008 г., в КНДР проживает около 40 % сельского населения, что для экономики XXI в. является чересчур высокой цифрой [11, р. 18]. Порядка 80 % территории КНДР занимают горы и нагорья, малопригодные для экономической деятельности, кроме добычи полезных ископаемых [12, р. 13-19].

На КНДР наложены многочисленные международные санкции (как коллективные санкции ООН, так и односторонние санкции США, Японии и Южной Кореи), в целях сдерживания северокорейской ракетно-ядерной программы. По данным Г.Д. Толорая, они заметно осложнили социальную обстановку в КНДР из-за роста имущественного неравенства и увеличения территориального и профессионального дисбаланса [13, с. 187-188]. С учётом санкций, предпринимателям КНДР приходится работать и торговать в приграничных районах тайком, расплачиваться наличными, нести повышенные издержки на оформление сделок. Предприниматели сопредельных стран, опасаясь попасть под экстерриториальные санкции, редко ведут дела с КНДР. Помимо санкций, иностранный бизнес неохотно инвестирует в КНДР, зная примеры неисполнения обязательств северокорейскими контрагентами и властями, сложности с вывозом прибыли из КНДР, зависимость инвестиционных проектов от скрытых и неформальных внутриполитических процессов, слабое развитие нормативной базы и материальной инфраструктуры внешнеэкономической деятельности КНДР [14, с. 244-245; 15, с. 256; 16].

В постсоветский период больше 90 % внешней торговли КНДР стало приходиться на Китай, а основная её часть сосредоточилась между сопредельными городами Синийджу и Дандун. В начале 2000-х гг. правительство КНДР пыталось создать в Синийджу СЭЗ с очень большими автономными правами, своего рода второй Гонконг, но эта попытка вызвала явное неудовольствие Китая и была им сорвана. В 2010-е гг. были заключены соглашения КНР и КНДР о развитии Синийджу и Дандуна по общему плану, которые, впрочем, тоже остались на бумаге [14, с. 238; 16; 17]. Тем не менее, концентрация внешней торговли в двух приграничных населённых пунктах КНДР Синийджу и Раджин благоприятно сказывается на их развитии. Инфраструктура пограничных переходов между Китаем и КНДР, несмотря на санкции, в 2019-2020 гг. продолжала совершенствоваться [18].

Тяжёлая социально-экономическая ситуация в КНДР на рубеже XX-XXI вв. резко усугубила проблемы эрозии почвы, обезлесивания и загрязнения пресной воды [19, р. 17-18]. По мере глобального изменения климата в последние годы также усилился разрушительный эффект стихийных бедствий, прежде всего, ежегодных тайфунов в августе-сентябре, которые сопровождаются штормовыми ветрами и проливными дождями. В 2020 г. масштаб разрушений на периферии КНДР был таков, что центру пришлось мобилизовать в крупных городах ремонтно-строительные отряды, которые в условиях военной дисциплины экстренно ремонтировали и возводили новое жильё в аграрных и горнодобывающих уездах, пострадавших от стихии. Несмотря на эту чрезвычайную мобилизацию, в ноябре 2020 г. работы по ликвидации последствий ущерба всё ещё продолжались, о чём ежедневно сообщалось в северокорейских теленовостях.

Большое воздействие на освоение территории оказывают вооружённые силы и военно-промышленный

комплекс КНДР, поскольку руководство страны решает невероятно масштабную для такой небольшой экономики задачу военного сдерживания США и их союзников, главным образом, посредством ракетно-ядерных технологий. Северокорейская армия является одной из самых многочисленных в мире, поэтому очевидно, что военные и военно-промышленные объекты, которые держатся в строгом секрете, густо покрывают территорию КНДР. Кроме того, строительные батальоны армии КНДР регулярно направляются на решение тех или иных строительных задач в гражданском секторе [20].

Власти КНДР, очевидно, имеют некое общее представление о территориальном развитии, но не формируют в этой сфере чётких целевых программ, что удивительно контрастирует с огромным вниманием, которое уделяется территориальному развитию в Южной Корее. На Юге постоянно проводятся исследования, принимаются новые законы, составляются долгосрочные планы территориального развития: как центральным правительством, так и провинциями и муниципалитетами [21]. Возможно, равнодушие Севера к региональной проблематике обусловлено тем, что та система расселения, которая сложилась в 1980-е гг., в том числе доминирование столицы, сосредоточившей 16 % населения, руководство КНДР в принципе устраивает. В КНДР осуществляется жёсткий контроль над расселением и даже над временным перемещением граждан внутри страны, существует система распределения выпускников высших и средних учреждений профессионального образования и даже общих средних школ [2]. Проблемы социально-экономического развития являются общими для всей периферии КНДР.

Власти КНДР периодически называют приоритетными проекты на уровне каких-либо уездов и городов, но никогда на уровне целой провинции. Единственный раз в прессу попал десятилетний план территориального развития КНДР в 2010 г., однако он был разработан не правительством КНДР, а госкомпанией «Dafeng Corp.». К тому же, эта компания тогда находилась под покровительством Чан Сонтхэка, которого вскоре после утверждения Ким Ченына на посту государственного лидера КНДР отстранили от власти, обвинили в тяжких преступлениях и казнили, так что судьба данного плана осталась неизвестной. Согласно ему, в 2010-2020 гг. КНДР планировала обновить свою экономическую базу, инвестируя порядка 100 млрд. долл. в четыре главных сектора: обрабатывающая промышленность, железные и автомобильные дороги, энергетика, сельское хозяйство. Географические акценты в этом плане были сделаны на оси Синьиджу – Нампхо – Пхеньян и на оси Расон – Чхонджин – Ким Чхэк [22].

О некоторых локальных приоритетах территориального развития регулярно сообщают северокорейские средства массовой информации, однако по каким сообщениям эти приоритеты выбираются, производятся ли при этом какие-то расчёты или всё решается на основе личных предпочтений высших лиц государства, есть ли какая-то коммуникация по региональным проблемам и общей схеме развития территории между центром и регионами, остаётся лишь догадываться. По нашему мнению, общее представление руководства КНДР о территориальном развитии страны можно свести к следующему:

1) текущая территориальная структура государства поддерживается, центр стремится к более-менее равномерным социально-экономическим показателям по всем регионам;

2) не придаётся большого значения развитию крупных городов, транспортной связанности и сокращению экономического расстояния как факторам ускорения экономического роста, во всяком случае, в государственных теленовостях очень редко известны о строительстве новых дорог, напротив, о строительстве новых электростанций сообщается постоянно;

3) есть внимание к теории точек роста и теории диффузии инноваций, но понимание таковых является очень ограниченным, в частности, малопонятно, в чём состоят преимущества многочисленных северокорейских СЭЗ (только в 2013-2014 гг. их было создано сразу 20) в глобальном сравнении [14, с. 241; 15, с. 256];

4) если в КНДР создаются свободные экономические зоны (СЭЗ), они решают макроэкономические задачи, но не задачи регионального развития, хотя некоторые СЭЗ (Расон, Кэсон, Кымгансан) работали на практике, они не стали фундаментально значимыми элементами национальной экономики;

5) есть иерархия регионов, и перемещение работника между ними рассматривается как награда или наказание [2];

6) в региональной экономике есть некое подобие «решишки Кристаллера»: центр старается, чтобы в каждом регионе комплексно развивались производства и услуги, минимально необходимые для жизнеобеспечения населения, вероятно, для сокращения транспортных издержек и в оборонных целях;

7) государственные инвестиции в развитие периферии при Ким Ченыне идут, прежде всего, в перспективные пункты рекреации, например, пляжный район Кальма города Вонсан на Японском море, зимний спорт на горе Кымган, горячие источники уезда Яндок (провинция Южная Пхёнан), зимний спорт и познавательный туризм в уезде Самчжиён (провинция Янган);

8) для увеличения производства сельхозпродукции центр форсирует строительство завода минеральных удобрений в г. Сунчхон (введён в эксплуатацию в 2020 г.), а также продолжает осушение солончаков на западном морском побережье;

9) для смягчения последствий наводнений создаются новые лесопитомники, расширяется лесовосстановление, ставится задача по укреплению русел рек;

10) Ким Ченын в последнее время лично обращает внимание на проблему комфортной среды проживания, в частности, требует озеленения вокруг новых жилых кварталов;

11) в каждом регионе идёт создание локальной электрогенерации, чтобы выжить в условиях блокады импорта энергоносителей, в первую очередь, с использованием энергии рек и местных сортов угля, при этом принцип «опоры на собственные силы» пропагандируется не только на национальном, но и на локальном уровне;

12) на приоритетных проектах регионального развития государство массово использует малооплачиваемую рабочую силу, где проходят, так сказать, альтернативную службу молодые мужчины, не подходящие по каким-либо причинам для строевой воинской службы.

Также отметим, что в КНДР существует правовое регулирование земле- и водопользования, экологии, транспорта, в технических аспектах сходное с южнокорейским. Его специфика обусловлена тем, что в КНДР формально отсутствует частная собственность, поэтому данное регулирование намного проще и меньше по объёму, чем в странах с рыночной экономикой. На практике же рыночные отношения в северокорейском обществе постепенно расширяются, но маскируются через различные серые схемы под общественную и кооперативную собственность и под государственное планирование экономики. Генеральная схема землеустройства в КНДР составляется на 50 лет и утверждается национальным парламентом (в Южной Корее этот срок ограничен 20 годами). Она состоит из национальной схемы, схем важнейших районов, генплана столицы, генпланов прочих городов и уездов [23].

Выводы. Географические исследования и экспертные наблюдения свидетельствуют о том, что в КНДР, несмотря на небольшую территорию этой страны (120540 кв. км), имеет место значительная неравномерность регионального развития и широкий спектр проблемных ситуаций, которые в мировой практике должны быть пред-

метод пристального внимания центрального правительства. Региональная политика в её традиционной форме, выраженная в целевых программах, государственных планах и стратегиях, в КНДР отсутствует, планирование экономического развития ведётся в отраслевом разрезе. Однако многочисленные локальные проекты, реализуемые центром при мобилизации общенациональных ресурсов, позволяют утверждать, что руководство страны имеет определённое представление об ориентирах территориального развития. Северокорейский опыт в российской практике региональной политики малоприменим, но большой научно-теоретический интерес представляют те эффекты, которые возникают в специфической ситуации КНДР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Dormels R. North Korea's Cities. Seoul: Jimoondang, 2014. 544 p.
2. Эм П.П. Пространственное развитие урбанизации на Корейском полуострове: сравнение Юга и Севера. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. 204 с.
3. Ducruet C., Jo Jin Cheol. Coastal cities, port activities and logistic constraints in a socialist developing country: The case of North Korea // *Transport Reviews* 28(1), 1-25
4. Fischer K. Central Places: The Theories of von Thünen, Christaller, and Lösch // *Foundations of Location Analysis*. Editors H. A. Eiselt, Vladimir Marianov. New York: Springer, 2011. P. 471-505.
5. Friedmann J. A general theory of polarized development / *The Ford Foundation. Urban and regional advisory program in Chile*. Santiago, 1965. 78 p.
6. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. Изд. 5, стереот. М.: URSS, 2009. 368 с.
7. Kozlov L. North Korea: A Trip Report // *The Foreign Policy Research Institute*. 31.08.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fpri.org/article/2017/08/north-korea-trip-report/> (дата обращения 01.11.2020).
8. Чон Хва Сун. О Корее (5). Экономика. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2016. 85 с.
9. Захарова Л.В. Современная экономика КНДР и перспективы ее трансформации // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 2. С. 91-103.
10. Ланьков А. Почему вокруг Северной Кореи стало так много кораблей-призраков // *Московский центр Карнеги*. 09.01.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/78031> (дата обращения 01.11.2020).
11. DPR Korea 2008 Population Census National Report / Central Bureau of Statistics. Pyongyang, 2009. 273 pp.
12. North Korea: A Geographic Analysis / Eds. E.J. Palka, F.A. Galgano. West Point, New York: United States Military Academy, 2002. 157 p.
13. Толорая Г.Д. Санкции в отношении КНДР и ситуация вокруг Корейского полуострова // *Корейский полуостров: история и современность* / Институт Дальнего Востока РАН. М., 2020. С. 182-191.
14. Захарова Л.В. Зоны экономического развития КНДР: статус и перспективы // *Корейский полуостров в эпоху перемен*. Москва, 2016. С. 238-248.
15. Кирьянов О.В. Текущее состояние и перспективы развития северокорейской торгово-экономической зоны Расон // *Корейский полуостров в эпоху перемен* / Институт Дальнего Востока РАН. М., 2016. С. 249-261.
16. Ланьков А. Как устроена внешняя торговля Северной Кореи // *Московский центр Карнеги*. 11.10.2016. <https://carnegie.ru/commentary/64539>
17. Ким Чоню, Ли Санчжун, Лим Ёнтхэ, Ли Бэкчжин, Ли Гонмин. Тонбуа пхёнхабонёнль вихан туманганюк чхогуккёнхёнмёнк сильчхончжоллёк ёнгу [Исследование практических стратегий трансграничного сотрудничества в бассейне реки Туманган для мира и процветания в Северо-Восточной Азии]. Сечжон: KRIHS, 2014. 197 с. (кор. яз.)
18. Тарантул Р.В. Транспортные проекты между КНДР и РФ, РК, КНР в условиях нестабильной внешней политики Пхеньяна // *Материалы IX Международной корееведческой конференции ДВФУ*. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. С. 30-35.
19. DPR Korea: State of the Environment / United Nations Environmental Programme; Regional Resource Centre for Asia and the Pacific. Pathumthani, 2003. 91 p.
20. Bermudez J.S. The Armed Forces of North Korea. London; New York: I. B. Tauris, 2001. 375 p.
21. Kim Taeyoung, Lim Junghwan. Regional Policy in the Republic of Korea: Principles and Experiences. Rimisp Working Paper Series. No. 189. Santiago de Chile, 2016. 15 p.
22. Ким Чоню, Ли Санчжун, Мун Чжонхо, Лим Ёнтхэ, Ли Гонмин. Амнокканоёсесоз нам-бук-чжун чхогуккёнхёнмёнгиль вихан сильчхончжоллёк ёнгу [Исследование практических стратегий межкорейского сотрудничества в бассейне реки Амноккан]. Сечжон: KRIHS, 2013. 165 с. (кор. яз.)
23. Ли Санчжун, Пак Тхэсон, Пак Сехун, Кан Хокже, Ли Бэкчжин, Чон Сончже, Пэ Ёнчжи. Куктхобуня намбукхан чедобигёва чончхэккаваче [Сравнительный анализ институтов пространственного планирования в Северной и Южной Корее и политические вопросы].

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-014-00012 «Влияние региональной политики на международную интеграцию периферийных территорий (на примере стран Северо-Восточной Азии)»

Статья поступила в редакцию 02.10.2020
Статья принята к публикации 27.02.2021